

БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1920—1926 гг.

Алексей Анатольевич ГЛАДКИХ,

аспирант кафедры истории, Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск.

E-mail: alan-999@yandex.ru

Автор характеризует различные виды политического и уголовного бандитизма на российском Дальнем Востоке в 1920—1926 гг., рассматривает основные методы борьбы, анализирует деятельность органов власти, госбезопасности, воинских частей, милиции, сил самообороны и военно-коммунистических отрядов особого назначения по борьбе с бандитизмом.

Ключевые слова: бандитизм, милиция, уголовный элемент, органы госбезопасности, Дальний Восток России.

The struggle against gangsterism in the Far East of Russia in 1920—1926

A.A. Gladkikh, a post-graduate student of History department at Blagoveschensk State Pedagogical University, Blagoveschensk

The author characterizes various kinds of political and criminal gangsterism, considers the basic methods of struggle against gangsterism, analyzes the activity of authorities, state security bodies, military units, militias, the forces of self-defense and military — communistic groups of special purpose on the struggle against gangsterism.

Key words: gangsterism, gangster formations, struggle against gangsterism, state security bodies, the Russian Far East.

На территории российского Дальнего Востока в 1920—1926 гг. свирепствовал бандитизм, терроризировавший местное население и мешавший восстановлению народного хозяйства. С образованием Дальневосточной республики (ДВР) в борьбу с ним включились органы Госполитохраны (ГПО), воинские части Народно-революционной армии (НРА), милиция, силы самообороны местного населения и военно-коммунистические отряды особого назначения (ОН), созданные по указанию Дальбюро ЦК РКП(б). Отряды особого назначения, замаскированные под местные территориальные части, формировались по типу строевых частей Народно-революционной армии, действуя в составе вооружённых сил ДВР.

По решению Дальбюро ЦК РКП(б) в январе 1921 г. была утверждена организационная структура, осуществлён переход в систему всеобщего военного обучения (Всевобуча) под непосредственным наблюдением местных партийных организаций. После изгнания белогвардейцев и ин-

тервентов из Приморья коммунистические отряды ОН были выделены из системы Всевобуча и преобразованы в самостоятельные боевые единицы (в составе 5-й Краснознамённой Армии) — части особого назначения (ЧОН), действовавшие до июля 1925 г. Для скорейшей ликвидации бандитизма командование ЧОН в приказах за август — октябрь 1923 г. признало необходимым провести мобилизацию частей в помощь Государственному политическому управлению (ГПУ) и милиции при проведении крупных операций против банд [1, с. 70—71]. По месту дислокации бандитизм подразделялся на внешний (зарубежный) и внутренний, а по целям, задачам и методам деятельности — на политический (белобандитизм и так называемый «красный бандитизм») и уголовный [2, с. 193].

В начале 1920-х гг. появились хунхузские шайки (как местные, так и заходившие с территории Китая), уголовный элемент, дезертиры из рядов НРА, мелкие партизанские отряды, дислоцировавшиеся в Амурской и Приамурской областях (в которых практически отсутствовала дисциплина) и производившие самочинные реквизиции продовольствия и фуража у крестьян [3]. Из Западной Сибири все обитатели тюрем были направлены в Приморье. После освобождения они пополнили ряды местных преступников, делившихся на пришлых, местных и «гастролёров». В восточной части Приморья преобладало хунхузничество. В Спасском и Никольск-Уссурийском районах их действия расценивались как политические. На территории Приамурья, где появлялись крупные шайки хунхузов, преобладал приисковый (горный) бандитизм. В Забайкалье коренные жители, в большинстве случаев бывшие каторжане, жившие возле границы, занимались контрабандой и сбытом за границу краденых лошадей, что носило преимущественно уголовный характер [4].

Опорой политического бандитизма являлись различные белоэмигрантские организации и крестьянское население, недовольное государственной властью. Никакими высокими идеями нельзя оправдать деятельность многочисленных антисоветских организаций и белопартизанских отрядов, продекларировавших своей целью борьбу с коммунистическим режимом. Они занимались грабежами, убийством и конокрадством, действовали террористическими и диверсионными методами, противоречащими нормам уголовного и международного права. Так, начальник Забайкальского белопартизанского отряда З.И. Гордеев в июне 1923 г. агитировал «...всех на путь беспощадной борьбы... с ненавистным коммунизмом! За Святую Православную Веру, за Родину, за свой собственный дом и за Русский Народ», призывал уничтожить активных коммунистов [3].

Существовал и «красный бандитизм»: произвол (незаконные экспроприации имущества, убийства по политическим мотивам и из личной мести) представителей органов госбезопасности, милиции, армейских частей и ЧОН при исполнении своих обязанностей; участие некоторых членов РКП(б)/ВКП(б) в уголовном бандитизме и террористическая деятельность бывших красных партизан и бедноты против контрреволюционных

элементов. В 1922 г. в районе с. Гашей Прибайкальской области ДВР была обнаружена и уничтожена шайка грабителей, в которой состояли четыре коммуниста гашейской коммунистической ячейки [4]. В 1925 г. коллегией Объединённого госполитуправления (ОГПУ) за «красный бандитизм» был осуждён по ст. 106, ч. 2 (превышение власти, сопровождавшееся насилием, применением оружия и «...особо мучительскими или оскорбляющими личное достоинство потерпевшего действиями») [5] сотрудник Амурского ОГПУ, начальник Черняевского погранотряда Н.Я. Альтокушко, отличившийся при ликвидации кулацкого восстания в Амурской губернии в 1924 г. и награждённый маузером за ликвидацию хунхузской шайки с надписью «За особую энергию, проявленную при ликвидации бандитизма в Амурской губернии в 1924 г.» [6].

Полномочный представитель ОГПУ на Дальнем Востоке А.П. Альпов 25 июня 1925 г. отметил случаи, когда пограничники при обысках у населения забирали, что не полагается, избивали арестованных (в с. Екатерино-Никольске был отмечен случай убийства крестьянина). Он заявил, что в каждом отдельном случае проявления незаконных действий будет караться по «...всем строгостям законов Советской власти лицо, совершающее эти действия, и начальник, коему он подчинён» [6]. Среди членов партии, имевших право на хранение и ношение оружия в количестве не более двух револьверов, и комсомольцев (им выдача разрешений на право хранения оружия производилась по спискам, утверждённым районными и уездными комитетами ВЛКСМ) часто происходили случаи бытового хулиганства (избиение крестьян, дебош в общественных местах и т.д.), переходившие в бандитизм уголовного характера. Так, в начале весны 1926 г. в д. Константиновке Спасского уезда Приморской губернии два комсомольца, вооружённые винтовками, явились на свадьбу к местному крестьянину и потребовали водки, угрожая в случае отказа разогнать всех присутствующих. Напившись пьяными, они разбили в доме стёкла [6].

В соответствии со ст. 184 Уголовного кодекса (УК) РСФСР 1922 г. под бандитизмом понималось: «...открытое имущественное групповое преступление с целью похищения имущества; нападение на кого-либо, соединённое с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем» [5]. Эти принципиальные положения вошли в УК РСФСР 1926 г. Ст. 76 УК РСФСР предусматривала применение смертной казни по отношению к «...участникам банд (вооружённых шаяк) за организуемые бандами разбойные нападения и ограбления, налёты на советские и частные учреждения, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождались» [5].

Уголовные и политические банды нападали на населённые пункты, убивали партийных, советских, комсомольских работников и людей, сочувствующих новой власти, уничтожали продовольствие и семенной

хлеб, разрушали телеграфные и железнодорожные линии, грабили государственные учреждения и местных жителей; терроризируя население, мешали строительству народного хозяйства и ставили под угрозу существование советской власти. Бандиты были подвижны, хорошо знакомы с местными условиями и умело их использовали. В населённых пунктах они не задерживались, скрывались в тайге, избегали сосредоточения вблизи железных дорог, а при малейшей опасности уходили за границу; отсидевшись и пополнив израсходованные боеприпасы, вновь совершали налёты на российскую территорию.

На начальном этапе борьбы с бандитизмом воинские части не могли вести эффективные действия по причине особенностей рельефа местности. Банды, совершив нападение, быстро рассеивались, мелкими группами уходили в Китай, в тайгу, скрывались под видом мирных жителей и пользовались поддержкой местного населения, недостаточностью, запоздалостью и неточностью информации. Действия милиции из-за недостатка штатов и укомплектованности неблагонадёжными сотрудниками, укрывавшимися от отправки на фронт, также были безуспешными. По воспоминаниям командира отряда по борьбе с бандитизмом и дезертирством в Верхне-Куналейской волости Верхнеудинского уезда Прибайкальской области Лундина за период существования ДВР не было ни одного случая ликвидации групп бандитов и дезертиров силами милиции [4]. Отряды особого назначения были малочисленны и плохо вооружены. Например, в Прибайкальском областном ОН в 1921 г. состояло по штату 62 рядовых бойца при небольшом количестве оружия и боеприпасов (24 исправных винтовки по 20 патронов на каждую и пулемёт со 120 патронами), гранат и револьверов не было [4]. Необходима была помощь населения, налаженная связь между органами, ведущими борьбу с бандитами, хорошо организованная разведка [3]. Всё это входило в задачи областных отделов ГПО, работавших в полном контакте с правительственными учреждениями и партийными организациями, оперативные функции (производство облав и т.п.) осуществлялись через органы милиции. В соответствии с инструкцией Главного управления ГПО ДВР от 2 июля 1921 г. областные отделы ГПО, опиравшиеся в своей деятельности на содействие и поддержку рабочих масс, должны были «...вести беспощадную борьбу с... бандитизмом, сообщая о всех мероприятиях в данной области Правительственному эmissару». Для борьбы с контрреволюционными выступлениями начальник областного отдела мог вносить предложение на Коллегии ГПО о введении военного положения в области [7].

Организация охраны пограничной полосы ДВР, защита личности и имущества граждан, а также населённых пунктов возлагались на войсковые части (из пехотных партизанских частей), призванные к охране Государственной границы. Для выполнения поставленных задач призванные для охраны границы войска несли не только сторожевую, но

и разведывательную службу, которая осуществлялась как самими войсковыми частями, так и особоуполномоченными агентами, доносителями и другими лицами. Их услуги оплачивались из специально выделенного фонда Министерством торговли и промышленности для ведения местной агентуры. Командиры частей должны были взаимодействовать с местными органами ГПО для получения необходимых сведений, передавая их в охраняющие границу части. В соответствии с положением о пограничных войсках ДВР от 22 июля 1921 г. оборона границы от всевозможных нападений со стороны бандитов подразделялась на активную и пассивную. Активная оборона допускалась в 20-вёрстной пограничной полосе (10 вёрст в глубину своей территории и 10 вёрст в сторону соседнего государства) [8].

С момента образования ДВР газеты ежедневно сообщали об убийствах, перестрелках, поджогах, взрывах, нападениях на предприятия, прииски, железнодорожные станции, грабежах населения и разорении крестьянских хозяйств бандитскими шайками. После вступления в Хабаровск 21 октября 1920 г. НРА ДВР и организации отдела ГПО во главе с Г.Е. Сократом была выявлена и ликвидирована банда, возглавляемая бывшим офицером Белой армии Полозиным, которая длительное время терроризировала население Хабаровска и его окрестностей [9, с. 14]. Лучшие воинские части были брошены на фронт, в тылу остались незначительные гарнизоны, которых не хватало даже для несения караульной службы. Ряд районов ДВР были объявлены на положении «особой охраны», в них ограничивалась свобода передвижения, проводилось выселение опасных лиц и др.

С февраля 1921 г. бандитизм, грабежи и убийства активизировались в Прибайкалье. В таёжных старообрядческих сёлах укрывались колчаковские офицеры, а после первых боёв на подступах к Чите из частей НРА (с 12 мая 1920 г. — НРА ДВР) [10, с. 427] с оружием в руках дезертировали бойцы, в основном из числа старообрядцев, которые не считали грехом убийство человека из мести или с целью грабежа. Из этого контингента составились первые небольшие банды, разраставшиеся с изменением политической обстановки. Вся тяжесть борьбы с ними при бездействии милиции и уголовного розыска легла на ГПО. Параллельно с уголовщиной активизировала свою деятельность белая организация в районе Верхнеудинска, ставившая своей целью отрезать Прибайкалье после выступления семёновских и каппелевских войск во Владивостоке 26 мая 1921 г. В лесах находился белопартизанский «Лесной отряд крестоносцев», который одновременно с Заудинской организацией должен был захватить автопарк и Заверхнеудинское предместье, создав там главную опорную базу при нападении на город, где были подготовлены лица из городской милиции и конный милицейский отряд. Возглавили выступление бежавшие из Верхнеудинска начальники милиции Данилов, Крихус и Ионов. После ареста некоторых главарей банды и неудачи с получением воору-

жения отряд стал спешно отступать. На совещании с участием начальника Прибайкальского областного отдела ГПО и начальника гарнизона Лукьянова для ликвидации «крестоносцев» решено было выслать отряд численностью около 100 чел. во главе с Лебедевым, который разбил банду, застав её врасплох. Во время ликвидации находившейся в городе организации белобандитов сотрудники областного отдела ГПО арестовали около 82 чел. [11].

Бандитизм и дезертирство активизировались в Прибайкалье во время наступления белых войск в ноябре 1921 г. В январе — марте 1922 г. было ликвидировано пять банд, задержано 317 чел., убито 63, выявлено 29 колчаковских офицеров [11]. В Амурской области в 1922 г. свирепствовал уголовный бандитизм, вызванный голодом в некоторых районах, отсутствием власти на местах, особенно в Рухловском, где находились остатки белобандитов, разгромивших станцию Могоча, и масса мелких русских и китайских отрядов, а также в Завитинском и частично в Свободненском районах.

24 июня 1922 г. у с. Черняево хунхузы ограбили пароход «Быстрый», а 30 июня 1922 г. в районе Архары появилась белобанда (30 чел.), пользовавшаяся сочувствием местного населения, снабжавшего её продовольствием [11]. В Свободном было задержано 23 дезертира и часть оперировавшей в районе Белогорья банды, сформированной в Бочкарёво Галы-Галычиным (изъято 6 винтовок и одна бомба). На Никольскую сделали набег бандиты с китайской территории под командованием Шутемова, на ст. Иннокентьевской раскрыта белогвардейская организация и арестовано 12 чел. [11].

3 апреля 1922 г. правительство ДВР приостановило действие 26-й статьи Конституции, отменявшей смертную казнь, приняв закон «...об установлении смертной казни в виде наказания за тяжчайшие против народа преступления». Большинство депутатов Народного собрания ДВР поддержали это решение. В статье «Почему введена смертная казнь» секретарь Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) П.Ф. Анохин обратился к трудящимся: «Мы должны поставить перед рабочими и крестьянами вопрос практически: что делать правительству, когда поджигают национализированные заводы и от этого горят ещё десятки домов мирных жителей (такие случаи есть)? Что делать, когда белые бандиты разрушают десятки вёрст железнодорожного пути, сжигают мосты, взрывают депо и мастерские, устраивают крушения поездов? Что делать, когда шайка, вышедшая на ст. Могоча, разграбила, разрушила всё и вырезала десять ни в чем неповинных работников. На все эти вопросы рабочий и крестьянин, не мудрствуя лукаво, скажет, что власть должна принимать самые суровые меры». Статья появилась в печати уже после смерти П.Ф. Анохина, убитого 10 мая 1922 г. (вместе с управляющим делами Дальневосточной контрольной комиссии РКП(б) Д.И. Крыловым). В день похорон П.Ф. Анохина и Д.И. Крылова газета «Дальневосточная правда» писала:

«Нам уже приходилось касаться вопроса о бандитизме, в котором причудливо переплетались уголовщина и политические мотивы... Уголовно-политические бандиты — люди отпетые. Они, несомненно, в своём роде жертвы гражданской войны, но такие жертвы, на исправление которых нет уже надежды».

14 мая 1922 г. в ГУ ГПО поступила оперативная информация о том, что убийство совершено бандой Ленкова (сформированной в 1921 г.), выдававшего себя за «беспартийного анархиста» и заявлявшего, что его отряд не трогает бедняков, а бьёт только буржуев. Имея своих агентов в ГПО (работник транспортного отдела ГПО Попиков передавал Ленкову бланки и штампы) и милиции, банда действовала под видом его сотрудников, милиции и частей НРА. Помощь оказывал депутат Народного собрания ДВР Н.И. Ташенко (член фракции крестьян). По показаниям ленковца Багрова, в отряде существовала строгая дисциплина, за малейшую измену полагалась смерть. Зимой 1921—1922 гг. бандиты (120 чел.) занимались конокрадством, Ленков хотел «...организовать отряд, перевернуть вверх дном Читу и уйти в Монголию».

Благодаря успешно проведённым сотрудниками Читинского отдела ГПО оперативным мероприятиям (под непосредственным руководством директора ГПО ДВР Л.Н. Бельского) в ночь на 23 мая 1922 г. Ленков был убит на явочной квартире, а в июне 1922 г. арестованы 82 члена банды, 29 из них по решению Высшего кассационного суда ДВР приговорены к расстрелу. Принимая во внимание «...наступающую пятую годовщину Рабоче-Крестьянской революции и победу Народно-революционной армии над врагами трудящихся на Дальнем Востоке», правительство ДВР утвердило приговор 19 бандитам, а остальным сохранило жизнь [12].

В 1920—1921 гг. во многих регионах РСФСР для борьбы с бандитизмом были созданы «революционные тройки» и губернский комитет, состоявший из председателя губисполкома РКП(б), председателя губЧК, начальника Особого отдела охраны границы республики, губвоенкома и командиров войсковых частей, при этом основная нагрузка ложилась на органы ВЧК — ОГПУ, руководившие оперативными и войсковыми мероприятиями. В апреле 1922 г. приказами ГПУ отделы по борьбе с бандитизмом были созданы при Особых отделах военных округов, при губернских отделах ВЧК — ГПУ, политбюро и уездных ЧК — ГПУ РСФСР, а на территории ДВР областные и уездные тройки — 10 августа 1922 г. [4].

После вхождения ДВР в состав РСФСР и создания ПП ОГПУ в Дальневосточной области (ДВО) борьба с бандитизмом вошла в сферу компетенции ПП ОГПУ. До занятия Владивостока частями НРА (25 октября 1922 г.) на содержание уголовного розыска отпускались средства биржевым комитетом, торгово-промышленной палатой и другими учреждениями, но в Приморской области процветали бандитизм и хунхузничество. Крупная преступность выражалась от 10 до 40 убийств и грабежей в месяц только по г. Владивостоку, при раскрываемости в среднем от 50 до

60%. Борьба с преступностью не могла быть поставлена на твёрдую почву и «систематизирована», что при существовавших условиях было даже невозможно, так как уголовный элемент использовался против советской власти. Шайки хунхузов становились союзниками Меркулова и Дитерихса, а притоны опиокурения, азартные игры и проституция поощрялись, являясь одной из доходных статей. Всё это породило бесчисленное количество преступного элемента, для борьбы с которым необходим был «стройный аппарат и энергичные меры» [13].

Только по Владивостоку в 1923 г. зарегистрировано более 2000 преступлений разных квалификаций. На заседании президиума Приморского губернского исполкома 11 июня 1923 г. для «...успешного искоренения всякого рода бандитских налётов и ограблений» было принято постановление, в соответствии с которым к лицам, принимавшим прямое или косвенное участие в бандитских налётах и грабежах и захваченным на месте преступления, должны применяться правила внесудебной расправы вплоть до расстрела (ст. 76, 2 ч., 183 и 184 УК РСФСР) с конфискацией всего принадлежащего им имущества. Имущество лиц, скрывшихся после совершения преступлений, должно было конфисковываться согласно декрету Совета Народных Комиссаров (Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства 1923 г. № 87, ст. 442/ и). Лица, избличённые в пособничестве бандитам, должны были подвергаться лишению свободы на срок не менее двух лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества, а в особо тяжких случаях — расстрелу (ст. 76 УК РСФСР) [13]. Благодаря принятым мерам в конце 1923 — начале 1924 г. в Приморье были ликвидированы организованные бандитские шайки, принимались меры по предупреждению бандитизма (особо проявлявшегося во Владивостокском уезде в летние месяцы) [13].

Ответственность за борьбу с бандитизмом в ДВО несли губернские и уездные революционные комитеты (ревкомы), постановлением Забугревкома от 20 июля 1923 г. «О появлении бандитизма на территории губернии и уезда» они должны были немедленно ставиться в известность органами ГПУ и штабом ЧОН. Губернский отдел управления ревкома (Губотуправ) был в курсе всех дел (уездные ревкомы получали информацию за исключением вопросов секретно-оперативной части) и представлял Губревком в создаваемых тройках (совещаниях). Губревком (через Губотуправ) издавал директивы о проводимых мероприятиях и следил за их выполнением. Мнение Губревкома при разработке предупредительных мероприятий, способов и средств борьбы с бандитизмом отклонялось только при обстоятельной мотивировке (без учёта вопросов конспиративного характера) [3].

29 января 1924 г. в записке, адресованной Политбюро ЦК РКП(б) «О необходимости усилить борьбу с бандитизмом», Ф.Э. Дзержинский указал на несогласованность действий судов, уголовного розыска, милиции и органов ГПУ и предложил руководство возложить на ОГПУ,

подчинив ему в оперативном отношении органы уголовного розыска и милиции, а также предоставить право ОГПУ внесудебного разрешения дел по обвинению в бандитизме не только лиц, захваченных с оружием, но и принимавших участие в бандитских налётах.

Несмотря на возражения Н.В. Крыленко (председатель ревтрибунала при ВЦИК, прокурор РСФСР), считавшего, что «предоставление прав внесудебной расправы в отношении вообще лиц, принимавших участие в бандитских налётах, ведёт на деле к внесудебной расправе со всеми, в отношении коих «по агентурным данным» имеется подозрение в том, что они причастны к бандитской шайке, наводчики бандитов, укрыватели, пособники и т.д.», постановлением Политбюро ЦК РКП(б) «О борьбе с бандитизмом» от 14 февраля 1924 г. было признано «необходимым усиление борьбы с бандитизмом... возложив руководство ею на ОГПУ.. подчинив ему в оперативном отношении органы уголовного розыска и милиции, признав необходимым соответствующее временное расширение прав ОГПУ в области внесудебных репрессий» [14].

По докладу начальника 1-го отделения ГПУ в Акшинском уезде Прибайкальской губернии ДВО бандитизм (большинство местных жителей) начался в первой половине августа 1923 г., активизировавшись к сентябрю. Он характеризовался рядом налётов на сельсоветы и волисполкомы (разгром сельсоветов и волисполкомов, разграбление налоговых средств) и вначале имел политический характер (велась агитация и создана хорошая агентура среди местного населения). К концу года деятельность банд приняла чисто уголовный характер [3].

Новая волна белоповстанческого движения в 1924 г. (после смерти В.И. Ленина 21 января 1924 г.) побудила к созданию чрезвычайных органов по борьбе с бандитизмом — Военных советов. На заседании Дальневосточного революционного комитета (ДРК) 22 января 1924 г. под председательством заместителя председателя Никольского было заслушано представление командарма 5-й армии Седякина «...о принятии мер к объединению военной и гражданской властей в районах, охваченных бандитизмом...» и принято постановление о создании в Приморской, Амурской и Забайкальской губерниях Военных советов по борьбе с бандитизмом в составе: командующего войсками губернии (старший войсковой начальник и военный комиссар при нём), председателя губернского исполкома РКП(б) и представителей начальника губернского отдела ОГПУ (ГОГПУ). Военному совету подчинялись все войска и учреждения (как военные, так и гражданские), расположенные в пределах губернии. Момент передачи власти по борьбе с бандитизмом Военному совету должен был определяться постановлением ДРК с объявлением приказа по армии.

В Приморской губернии председателем Военного совета был назначен командующий войсками Я.З. Покус, членами — военком Пшеницин, председатель губернского исполнительного комитета РКП(б) Я.Б. Га-

марник, начальник ГОГПУ П.И. Карпенко и его заместитель Перцов. В Амурской губернии председателем Военного совета стал командующий войсками Ватман, а членами — военком Хрусталёв, М.Л. Грановский и начальник ГОГПУ З.А. Каруцкий. В Забайкальской губернии Военный совет состоял: председатель — командующий войсками Забайкальской губернии (командир 36-й дивизии) Брянских, члены — военный комиссар Нилов, председатель губернского исполнительного комитета Виноградов, секретарь губернского исполнительного комитета РКП Д.А. Носок-Турский и начальник ГОГПУ И.И. Клиндер [3].

В соответствии с приказом Военного совета Забайкальской губернии от 7 февраля 1924 г. в связи с необходимостью связи и взаимного получения информации на местах для своевременного принятия мер по ликвидации бандитизма вся территория Забайкальской губернии разделена на четыре района: Читинский (без района г. Акши) и Петровско-Заводской уезды; Нерчинский и Сретенский уезды; Борзинский уезд; часть Читинского уезда, включая район г. Акши.

Руководство борьбой с бандитизмом возлагалось на начальников районов, которым в оперативном отношении подчинялись части войск ГПУ, ЧОН и милиции, находившиеся на территории района: 1-й район — командир 106-го Сахалинского полка; 2-й — командир 108-го полка; 3-й — командир 107-го Владимирского полка; 4-й район — командир 8-го погранэскадрона ГПУ. Начальник района должен был вести всю работу в контакте с местным уездным комитетом РКП(б) (укомом), уездным исполнительным комитетом (уисполкомом) и начальником уездного отдела ГПУ. Отряд, выделявшийся на ликвидацию бандитов, возглавляла политическая комиссия (Политкомиссия), в состав которой входили начальник отряда (его распоряжения и приказы оперативного характера были обязательными к исполнению всеми гражданскими и военными властями, органами ГПУ и милиции, находившимися в этом районе), представители укома, уисполкома и местного отдела ГПУ [3].

В инструкции начальникам районов и Политкомиссиям по борьбе с бандитизмом в Забайкальской губернии, утверждённой Военным советом 7 февраля 1924 г., говорилось: «...прежде всего необходимо лишить бандитов возможности находить приют и помощь у местного населения, для чего принять ряд мер по моральному и материальному воздействию на окружающее бандитский район население, расслоить всё население деревень на две группы: а) бедняков и лояльных середняков, интересы которых всемерно охранять, привлекая эту группу к активной вспомогательной работе по борьбе с бандитизмом; б) зажиточное крестьянство и кулачество, на каковых действовать репрессивными мерами, главным образом материального характера». Порядок определения принадлежности к той или иной группе возлагался на уком в лице его представителя (критерием «зажиточности» служила ставка налога). В местностях, охваченных бандитизмом, на пособников и кулаков налагалась бесплатная

подводная повинность (постояй войск и полное обеспечение продовольствием), вводилась круговая порука населения за поведение своих односельчан (мера ответственности определялась Политкомиссией) для своевременного информирования местных властей о появлении бандитов, их предполагаемых действиях, создаваемых организациях, складов с оружием и т.д.

Органы ГПУ и местные коммунистические ячейки должны были учесть всё находившееся у населения нарезное оружие для изъятия его у неблагонадежных. Лица, уличённые в пособничестве бандитам и ушедшие с ними, распоряжением Политкомиссии (по постановлению судебных органов) подлежали полной конфискации имущества с широким оповещением об этом местного населения [3].

На основании директивы командующего 5-й армией Седякина от 2 июня 1924 г. борьба с бандитизмом в Забайкальской губернии была поручена командиру 36-й дивизии Брянских с подчинением ему летучего отряда (выделенного из 5-й кавалерийской бригады) под командованием К.К. Рокоссовского, назначенного начальником боевого участка Сретенского и Нерчинского уездов с полным подчинением ему всех находившихся там вооружённых сил. Рокоссовскому совместно с начальником Забгуботдела ОГПУ Ю.И. Клиндером, на которого было возложено руководство оперативным обеспечением, предписывалось ликвидировать банды в двухнедельный срок со дня получения приказа [15, с. 31—32]. В результате боевых действий под командой К.К. Рокоссовского в течение июля 1924 г. был уничтожен отряд активного забайкальского партизана З.И. Гордеева, который с тремя оставшимися в живых участниками ушёл в Маньчжурию и 2 августа 1924 г. прибыл в Харбин, где оформил себе китайский паспорт на имя Василия Ивановича Касьянова [1, с. 35]. Получив от представителя великого князя Николая Николаевича генерала Лукомского (в конце декабря 1924 г. прибывшего в Шанхай из Франции) 2000 китайских долларов [3], Гордеев вместе с Ктиторовым, Калининым и др. взялся за организацию белогвардейских ячеек в среде бывшего Забайкальского казачества, которые по приказу верховного главнокомандующего должны были поднять восстание на территории Забайкальской губернии ДВО.

В феврале 1925 г. Гордеев активно формировал банды в Хайларе и Маньчжурии и 26 февраля 1925 г. выслал из Маньчжурии 8 человек под командованием Калинина, который должен был организовать выступление на территории Забайкалья в районе Акши. Гордеев закупал оружие в Хайларе, Чжалайноре и Маньчжурии, дожидаясь возврата Калинина 15 апреля, после чего намеревался выйти на нашу территорию. Но в ночь с 12 на 13 апреля 1925 г. в гостинице г. Маньчжурии Гордеев был арестован сотрудниками ОГПУ, переодетыми в форму китайских полицейских, в автомашине перевезён через границу и 30 января 1926 г. по приговору Коллегии ОГПУ расстрелян в Чите [15, с. 37].

В результате проведённых органами ОГПУ агентурных мероприятий и боевых действий войсковых частей, пограничных и частей ЧОН в течение 1924—1925 гг. были уничтожены крупные банды, оперировавшие на территории Дальнего Востока. В приказе полномочного представителя ОГПУ на Дальнем Востоке А.П. Альпова от 27 июня 1925 г. говорилось: «...в целях более успешной ликвидации бандитизма приказываю: ...обнаруженные банды ликвидировать окончательно, не ограничиваясь их рассеиванием, распылением или отходом в другой район» [6]. Из действовавших в 1925 г. на Дальнем Востоке 14 бандформирований (в некоторых до 60 чел.) к концу 1926 г. осталось всего 6 (от 3 до 10 чел.). За год были ликвидированы 5 белобанд и 3 хунхузские шайки [16].

В связи с отсутствием социальной базы белопартизанские отряды и уголовные банды в основном не встречали сочувствия в среде местного населения. В 1926 г. главные задачи по борьбе с бандитизмом на территории российского Дальнего Востока были решены: крупные банды ликвидированы, а оставшиеся мелкие занимались преимущественно грабежами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Фомин В.Н. Части особого назначения (ЧОН) на Дальнем Востоке в 1918—1925 гг. Брянск, 1994. С. 70—71.
2. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922—1930 гг.). Владивосток, 2000. С. 193.
3. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф.Р-110. Оп. 1. Д. 77—78; Л. 12, 12об., 19—19об., 67—67об.; Ф.П.-81. Оп. 1. Д. 954. Л. 49—52.
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.П—44. Оп. 1. Д. 279. Д. 302. Л. 121—129; Д. 278. Л. 276об.—277.
5. УК РСФСР 1922 г. — Режим доступа: <http://www.library.ru/help/docs/n10349/UK1922.txt>.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 169. Л. 52—56, 91, 94.
7. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 115. Л. 14—15; Д. 295. Л. 80—81, 92.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 18258. Оп. 1. Д. 9. Л. 4об., 11.
9. На защите отечества: Из истории Управления ФСБ РФ: Воспоминания сотрудников органов госбезопасности Хабаровского края / авт.-сост. В.В. Богайчук. Хабаровск, 2001. С. 14.
10. История Дальнего Востока России. Кн. 1. Т. 3. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 427.
11. ГАХК. Ф.П—44. Оп. 1. Д. 278. Л. 274—274об.; Д. 302. Л. 121—129; Д. 279. Л. 113, 144, 272.
12. Забайкальские областные ведомости. Чита, 2000. 8 февр.
13. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф.Р-1119. Оп. 1. Д. 13. Л. 63; Д. 2. Л. 66; Д. 13. Л. 66.
14. Лубянка: Сталин и ВЧК — ПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936: справочник / под ред. А.Н. Яковлева. М., 2003. С. 87—90.
15. Соловьёв А.В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М., 2002. С. 31—32, 35, 37.
16. Отчёт Далькрайисполкома за 1925—1926 гг. Хабаровск, 1927. С. 41.